

ПЕРСОНА

В ГОСТЯХ

Зоя БОГУСЛАВСКАЯ:

Можете назвать это богемой

Вес. Москва - 2000 - Зав. - С.З

Зое Богуславской, постоянно живущей в писательском поселке Переделкино, удается быть в эпицентре российской и даже зарубежной культуры. Вопреки многим обстоятельствам.

Анна САЕД-ШАХ

— Целую неделю невозможно было заставить вас дома. Это ваш нормальный ритм жизни?

— Нет, я не всегда так живу, хотя, наверное, так тоже можно существовать, изображая из себя сайт со множеством программ. В мои обязанности, помимо всего, входит и большой блок быта: мытье посуды, уборка под оружий телевизор, готовка и т. д. А вечером — искусство. Но наступает момент, когда эта чрезмерная выкладка сбивает ритм моего организма на слом. И я, как контуженный зверь, забиваюсь в нору.

— Мне говорили, что ваша физическая выдержка — результат многолетних занятий йогой.

— Нет. Йогу нельзя делать, не отдохнув. Поэтому я сейчас ее делаю мало, за что и поплатилась. Полгода болела, сорвалась на фестивале «Триумф».

— Тот, который вы ежегодно сочиняете? Ведь вы генеральный директор и координатор жюри премии «Триумф».

— «Триумф» — это первая в России независимая премия всех видов искусства, по принципу Нобелевской. Профессионалов выбирают исключительно профессионалы,

естественно, на общественных началах. В жюри у нас звезды мировой величины. Мы не даем премии за совокупность заслуг, за прошлые заслуги. Надо помнить, что эта премия поощряет только высшие достижения в культуре. Правда, у нас еще есть небольшие гранты для очень юных гениев и для мастеров, утративших возможность реализации своего творчества.

— «Триумф» — это ведь не только премия. За торжественной церемонией вручения обычно следует фестиваль?

— Фестиваль и есть самое трудоемкое. Мы стараемся снять сливки лучших художественных событий года, чтобы показать первыми.

— Мы — это кто? Сколько сотрудников в «Триумфе»?

— Нас всего пятеро. А чтобы нормально обеспечить богатый премьерными фестивалем, нужно иметь целую фирму. Не только проследить, пришел ли, скажем, контейнер из Лондона с декорациями Полунина, попали ли билеты к приглашенным. С этими людьми надо быть рядом. Каждый из них нуждается в полноценном общении. Так что на самом деле ни времени, ни вдохновения нет.

— А что же есть?

— Есть ненормальное соединение гипертрофированного чувства долга и безоглядной любви к искусству.

— Насколько мне известно, «Триумф» финансируется Березовским?

— «Триумф» — всего лишь одна из видимых благотворительных программ Бориса Abramovicha Березовского. Попечительский совет Фонда возглавляет он.

— Сейчас Березовский заявил себя политическим изгоем. Вы не опасаетесь за судьбу «Триумфа»?

— С ним так много уже чего случилось, что сегодняшняя ситуация мало чем отличается. Березовский — гениально непредсказуемый человек. Инициатором всех благотворительных проектов является он. Вместе с тем замечу, что Борис Abramovich никогда не позволял себе ни вмешиваться в решения жюри, ни лоббировать кого-либо из номинантов.

— Вы считаете, что все с «Триумфом» будет хорошо?

— Надеюсь. «Триумф» утвердился в России. Недавно я случайно (не от Березовского) узнала о его благотворительной программе, связанной с туберкулезом в тюрьме, как и о других культурных проектах.

— А зачем ему это надо? Так любит искусство?

— Он артистичен, хотя интересуется искусством далеко не в первую очередь. Встречаюсь с ним крайне редко. Недавно на фестивальной спектакле Юрия Любимова его спросили: «Что для вас «Триумф»? Он ответил: «Для меня это праздник». Так я впервые узнала, что он думает о «Триумфе». Ну, наверное, он гордится. О замыслах Березовского узнаю из печати. Сегодня может создать холдинг, объединив все культурные ценности или средства массовой информации, а завтра может сделать экологическую программу и позаботиться о бездомных собаках.

— Андрей Вознесенский принимает участие в вашей общественной жизни?

— Меня часто спрашивают, как два творческих человека столько лет работают под одной крышей. Я обычно отвечаю, что никогда не сопоставляю себя с ним. Поэзия Вознесенского востребована таким количеством людей, каким я никогда не буду востребована. У меня в семье простая задача — охранять свою камерную нишу и не позволять вторгаться в нее. Остальное — для того, чтобы он мог нормально работать.

— Как же вы охраняете свою нишу?

— Не знаю, наверное, чисто интуитивно. Мне часто звонят, прочитав какое-нибудь новое сочинение, и задают один и тот же вопрос: «Зачем тебе этот «Триумф»? Если ты сама умеешь так писать, брось все и пи-

ши!» Но, видно, я обречена заниматься многим, если это многое у меня получается. У меня нет воли быть истинным профессиональным литератором. Мои восемь книг написаны в основном ранним утром, по отпускам или больницам. И я всегда собой недовольна. След за повестью «Окнами на юг» (как писали, это первая проза о новых русских. — А. С. Ш.) был издан двухтомник «Зеркаль».

— Я читала и уверена, что «Зеркаль» вышло таким, каким вы его и задумали. А вот раньше ваши произведения подвергались какой-либо цензуре?

— Меня обвиняли в основном за отсутствие идеологии. Однажды во время горбачевской антиалкогольной кампании из повести потребовали вычеркнуть следующую фразу: «В вагон вошли трое пьяных». Я не стала ничего доказывать, а к следующему дню переписала: «В вагон вошли трое трезвых». Все хохотали, но цензуру это вполне устроило.

— Вас окружают люди знаменитые, подчас весьма состоятельные. А вы состоятельный человек?

— Мы абсолютно лишены чувства собственности, воспринимаем ее как тяжелое бремя. У нас дома даже подаренные ценные картины (Шагал, Эрнст Неизвестный, Шемякин) из-за отсутствия жизненного пространства ютятся по углам или сложены гармошкой. Но мне нравится наш образ жизни. Если хотите, можете называть это богемой.

— «Быть знаменитым некрасиво», но быть богатым все же красивее?

— Ну почему же? Я предпочитаю умеренный комфорт. Чтобы из крана текла хотя бы не ржавая вода, не выключали свет... В поездках люблю жить в хорошей гостинице, где ежедневно меняют белье и кормят в уютном ресторане качественными продуктами.

— Пока мы с вами разговаривали, вам позвонили как минимум десять человек. Что им всем надо от вас?

— Ничего. Поболтать, посоветоваться, куда-нибудь позвать. Сейчас модно такое выражение: не нравится телепрограмма — поменять кнопку или выключи телевизор. Но в жизни все не совсем так. Я, например, не могу отключить телефон.

— А вас не охватывает порой отчаяние от того, что все эти люди, дела, звонки растаскивают вас по кускам?

— С этим чувством я примирилась. Поэтому стараюсь компенсировать чем-то другим. Не скрою, что чувствую бесследно уходящего времени (когда неделями не написано ни строчки) меня, конечно, угнетает.

— Вознесенский сочувствует?

— Конечно же, нет.

